ныхъ красотъ. Средства художественной изобразительности, всѣ эти униженные толстовствомъ эпитеты, сравненія и метафоры, суть правда лишь цвѣточные лепестки: но они изъ одного сѣмени творчества. Вверхъ изъ сѣмени къ поверхности творчества вытягивается и цвѣтущій, и плодоносящій стебель: внизъ, въ землю убѣгаетъ идейный творческій корень. Лепестки творчества, правда, особенно пестры у цвѣтка; но цвѣтокъ превращается въ плодъ: а въ плодѣ потенціально заложено множество идейныхъ корней.

Въ желаніи обнажить самую творческую идею есть нѣчто глубоко противоестественное: если бы мы вырвали съ корнемъ растеніе, если бы листья, цвѣтки, лепестки творчества мы зарыли бы глубоко въ землю, выставивъ надъ земною поверхностью голый корень идеи, все растеніе (организмъ творчества) было бы обречено на неизбѣжную гибель; листья, цвѣтки, лепестки праздно гнили бы подъ землей; надъ землей торчалъ бы сухой корень растенія; болѣе того: праздно вытянутый подъ солнце идейный корень творенія былъ бы даже не корнемъ: корень многовѣтвистъ; смыслъ его въ безчисленныхъ корневыхъ волоскахъ, вросшихъ въ землю; вырывая корень растенія, мы обрываемъ безчисленность корневыхъ волосковъ идеи, образующихъ ея реальное многообразное соприкосновеніе съ землей; вырванный изъ земли корень—не реальный корень: идея, вырванная изъ земли творчества,—не идея, а безплодная пропись, имѣющая лишь словесную видимость идеи, и мгновенно засыхающая подъ лучами денного солнца.

Упрекающіе въ Толстомъ человѣка, въ своихъ упрекахъ поверхностны. Но не болѣе ли поверхностно нарочитое прославленіе многихъ толстовскихъ поученій и притчъ въ ущербъ художественнымъ красотамъ толстовскаго творчества. При всемъ богатствѣ личности великаго писателя земли русской, самая форма выраженія этой личности и скудна, и неудовлетворительна, многія поученія и притчи Толстого, лишенныя матеріала художества, только засыхающій корень растенія, посаженнаго въ землю кроной пестрыхъ цвѣтовъ; и это не оттого, что душа Толстого оскудѣла въ тѣхъ поученіяхъ: ниже постараюсь я показать, что какъ разъ наоборотъ: душа Толстого выростала въ молчаніи, потому что *молчаніе* было подлинной причиной многообразныхъ толстовскихъ проповѣдей; тѣми проповѣдями подчасъ Толстой инстинктивно заго-